

МОИ ТЕАТРАЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННОКИ

«Книга воспоминаний» выдающегося советского театрального критика, педагога, режиссера Павла Александровича Маркова охватывает период театральной жизни Москвы с десятих годов нынешнего века до его середины.

Интересен раздел «Дополнения к «Дневнику театрального критика», включающий его неопубликованные статьи.

Книга вышла в издательстве «Искусство» (М.: 1983).

Марию Гавриловну Савину я видел уже пожилой, во время ее гастролей в театре «Эрмитаж», где она играла довольно пестрый репертуар — удивительно, при неполном зрительном зале. Мне рассказывали, как эта актриса необыкновенного ума и сценического расчета праздновала свой юбилей — 35-летие сценической деятельности. На вечере она появилась в отрывках из прежних ролей и придумала хитрую композицию. Она начала сценой из «Холопов» — с роли старухи Плавутиной-Плавунцовой, гораздо старше ее, савинских лет, и затем молодела от роли к роли. Сыграла тончайшую Наталью Петровну из «Месяца в деревне», грубую Анисью из «Власти тьмы», а кончила — «Дикаркой»! И когда она вышла на сцену непосредственной шестнадцатилетней девочкой, после того как начала старухой, все были потрясены!

Актеров Художественного театра окружала особая атмосфера. Они не отвечали привычному представлению об актерах: восприняв лучшие традиции Ермоловой и Лешковской, они не бросались в глаза актерским «шиком», были лишены актерской самоуверенности и по какой-то неуловимой современной интеллигентности казались близкими. Вокруг каждого из них создавались

легенды. О Качалове говорили, что он актер-мыслитель, философ и погружен в книги. К нему относились как к чему-то непостижимому, необычному. Ольга Леонардовна Книппер была одета скромно, изящно, со вкусом, и провинциальные актрисы недоуменно говорили про нее: как учительница. Актёры и на сцене и вне сцены оставались представителями театра, даже простой сотрудник МХТ возбуждал к себе интерес, так как был причастен к тому неизведанному и прекрасному, что творилось внутри скромного здания в Камергерском переулке (сейчас — Проезд Художественного театра).

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, вернувшись из Америки, где она играла, и играла ежедневно, по восемь раз в неделю, свои любимые роли: Машу в «Трех сестрах», Ирину в «Царе Федоре», Раневскую в «Вишневом саде» и так далее, очутилась перед проблемой своего дальнейшего актерского существования. И решить ее она могла только со всей присущей ей требовательностью и благородством.

Я застал ее во всех ее знаменитых ролях. В дни моей театральной юности она была одной из самых блистательных, популярных в Москве актрис. Никто, кроме

нее, с такой глубиной не воплощал образы Чехова. Ее темперамент, прорывавшийся через сдержанность, точно выражал сценический характер чеховского творчества. Она читала Чехова и на концертах — никаких других авторов, кроме Чехова, она обычно с эстрады не читала. Многим Книппер на сцене сначала казалась излишне строгой, даже суховатой, но некая скрытность была одним из свойств ее дарования. И если в жизни знавшие ее не замечали этого ее качества, плененные ее легкостью, расположением к людям, прелестной иронией, то на сцене она долго не допускала зрителя в «тайные тайных» играемых ею с таким совершенным изяществом женщин. Вплоть до взрыва, когда с такой силой обнаруживалась трагическая женская тоска. Темперамент Ольги Леонардовны потрясал сидевшего в зале зрителя, а человека, перед которым открывалась вся пропасть сложных переживаний. Так бывало в тоскливом монологе в «У жизни в лапах» под щемящую музыку Ильи Сапа; так было и в третьем акте «Месяца в деревне» и особенно в признании сестрам и в прощании с Вершининым в «Трех сестрах». Она рассказывала, что в последнем акте «Трех сестер» сидела в своей актерской уборной на втором этаже, не допуская к себе ни одного посетителя, как бы внутренне, в одиночестве готовясь к последней встрече с Вершининым, чтобы стремительно, не видя никого на пути, промчаться вниз черной летящей птицей к любимому, с

которым ей предстояла вечная разлука.

В то время, когда я вступил в труппу МХАТ, Москвин пользовался наибольшей актерской популярностью, объясняемой тем, что с первого же момента революции он стал близким новому зрителю. Он выезжал на концерты, испытывая неизменное наслаждение, читал на вечерах Чехова, исполнял инсценированные чеховские рассказы на эстрадных подмостках — «Хирургию» и «Злоумышленника» — с Грибуниным, «Канитель» — с Блюменталь-Тамариной. Со времени гражданской войны Москвин выезжал в красноармейские части и в рабочие клубы, его талант тчетца, его юмор были доходчивы. На экраны страны вышли кинокартины с его участием — «Коллежский регистратор», «Поликушка». Москвин знал о своей популярности и очень ею дорожил.

Именно в эти годы он, всегда прекрасно игравший Федора, стал играть эту роль особенно замечательно. Позже, после одного из спектаклей «Царя Федора Иоанновича» в Киеве, когда Москвин провел ее с предельной внутренней силой и достиг подлинно трагических высот, публика, в основном молодежь, несла его от театра, где гастролировал МХАТ, до гостиницы «Континенталь» на руках.

Москвин знал и любил русскую литературу, но более всего — музыку, и в особенности пение. Сам Москвин пел задушевные русские песни, пел от всего сердца.